

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Глава 1	
Враг внутри.	
Почему Россия дважды проиграла свою Вторую отечественную	10
Глава 2	
Выборы короля. Как Англия XVII века отвергла своего Петра I.....	16
Глава 3	
Спасенные интервенцией: кто выиграл Войну за независимость США	25
Глава 4	
Крымнашъ. Какъ публика здѣшняя симъ происшествіемъ была обрадована.....	36
Глава 5	
Завоевание Финляндии. Почему русское общество было против	45
Глава 6	
Самая странная война. Такие разные польские походы 1809 и 1939 годов.....	53

Глава 7

- Иностранные агенты и гордость нации: как одни превращаются в других 60

Глава 8

- Две системы с одним концом: Варшавский договор как реинкарнация Священного союза 68

Глава 9

- На Париж? Как Россия не смогла повторить Отечественную войну 78

Глава 10

- Немецкий Крым. Как Бисмарку удалось присоединить Шлезвиг и не рассориться с Европой 85

Глава 11

- Лучший друг — вчерашний враг. Как Российская и Британская империи приручили покоренные элиты 98

Глава 12

- Угроза с Запада. Почему военная тревога 1863 года всем понравилась 107

Глава 13

- Воронка благих намерений. Как политкорректность сорвала боевую операцию 115

Глава 14

- Вечно неблагодарные. Почему болгары попрекают Россию, дважды их освобождавшую 124

Глава 15

- Империя на ручном управлении. Как «русские идеи» довели Россию до военной катастрофы 136

Глава 16	
Третий союзник России. Как потратить деньги и не приобрести друзей.....	146
Глава 17	
«Сирия» XX века. Зачем Россия влезла в конфликт на тогдашнем Ближнем Востоке.....	156
Глава 18	
Предтеча «маршала Победы». Генерал, который мог повлиять на ход Первой мировой.....	163
Глава 19	
Наш несостоявшийся дe Голль. Почему Колчак не сумел въехать в Москву на белом коне	174
Глава 20	
Неэффективные менеджеры. Армия Колчака как пример неудачного ведения бизнеса	184
Глава 21	
Тревожное лето 1927 года. Как с помощью внешней угрозы разгромить внутреннюю оппозицию	192
Глава 22	
Хуже, чем преступление. Почему Вторая мировая не закончилась в 1940 году победой над Германией....	200
Глава 23	
1941 год наоборот. Как 22 июня 1944-го вермахт и Красная армия поменялись местами.....	220

Посвящается 1603

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История никогда не повторяется, но часто рифмуется», — эта фраза Марка Твена вполне могла бы послужить эпиграфом книги, которую вы держите в руках, состоящей именно из таких рифм-параллелей. Вам и самим наверняка случалось при чтении исторических романов, монографий, статей испытывать дежавю, настолько описываемые события напоминают то, что происходило в другие эпохи, на десятки, сотни лет раньше или позже, а то и свершается сегодня на ваших глазах.

Автор данной книги задался целью превратить это дежавю в серию статей, объединенных общей темой — исторических параллелей. Он находит эти параллели как в российской истории прошлых веков, так и между давними событиями в разных странах и недавними в России (вы сами увидите, насколько эпопея с присоединением Шлезвига к Пруссии напоминает крымские события 2014 года).

История России напрашивается на такое запараллеливание, часто повторяясь и в мелочах, и в глобальном масштабе: были в ней и две Отечественные войны — 1812 года и 1941–1945 гг., и два очень похожих модернизационных рывка — петровский и сталинский, и две катастрофы, связанные с падением империй — романовской и советской.

Разумеется, абсолютных аналогий, стопроцентного совпадения в истории не бывает. И тем не менее такие исторические параллели позволяют лучше понять внутреннюю логику российских перипетий, вскрыть упущеные возможности,

порадоваться очевидным достижениям, четче увидеть существовавшие когда-то альтернативные пути развития тех или иных поворотных узлов истории.

Возьмем российскую Гражданскую войну. Общим местом является утверждение, что белые потерпели поражение в результате несопоставимости их ресурсов с ресурсами врага и вследствие неумения эффективно использовать даже имеющиеся, — в одной из статей автор отдал дань и такому толкованию. Но можно посмотреть и под иным углом. В школе историю СССР и России проходят по одному учебнику, а всемирную — по другому. В итоге многие события российской истории — и Гражданская война лишь одно из них — рассматриваются как бы в замкнутом пространстве, в отрыве от мировых. Между тем исход этой войны зависел не только и, рискну даже сказать, не столько от внутреннего противостояния белых и красных, сколько от общего хода Первой мировой войны.

Слишком смелое утверждение? Но давайте посмотрим на похожие события, происходившие во Франции: противостояние де Голля и Петена в 1940–1944 гг., которое временами отчетливо принимало характер гражданской войны. И как наша Гражданская, тоже оказалось плотно вписанным в контекст мировой войны, только уже Второй. У Петена были все преимущества: французский флот и армия в массе своей остались ему верны, он располагал несравненно большими ресурсами и легитимностью. Но победил в итоге де Голль, точнее, сам ход Второй мировой, приведший к радикальному решению «германского вопроса», сделал практически неизбежной его победу. Что было бы, продлись Первая мировая на Западном фронте еще год — до осени 1919-го? Тогда и Колчак имел бы все шансы стать российским де Голлем (а скорее, де Голля называли бы «французским Колчаком»).

Предисловие

Впрочем, выдвигая свои альтернативные трактовки событий, автор ни в коей мере не считает их истиной не то что в последней, но даже в предпоследней инстанции. Родиться такая истина может только в спорах. И если эта книга вызовет у читателя желание спорить и искать контраргументы в серьезной исторической литературе, автор будет считать свою задачу выполненной.

ГЛАВА 1

Враг внутри. Почему Россия дважды проиграла свою Вторую отечественную

Победа 9 мая 1945 года кажется неоспоримым доводом в пользу революции 1917 года, сноса старой России и возведения на ее развалинах новой, советской. Ведь поколение, победившее в 1945-м, смогло отомстить немцам не только за 1941 год, но и за проигранную отцами Первую мировую. И как отомстить! Взятие Берлина стало невиданным в истории страны военным триумфом. Хотя постойте... если задуматься, не таким уж невиданным.

В истории Российской империи была своя Отечественная война. В 1812 году русские войска тоже отступали до Москвы, чтобы через два года принять капитуляцию вражеской столицы. А еще раньше, в 1613-м, династия Романовых приняла страну с сохой, чтобы через 100 лет овладеть «атомной бомбой» Нового времени — секретом создания регулярной армии европейского образца. Готфрид Лейбниц, один из ведущих интеллектуалов Европы, в 1670-е предсказывавший России участь шведской колонии, дожил до Полтавской победы.

Что с чем сравнивать

В романовской России была своя индустриализация, стоившая неимоверных жертв, но прорубившая окно в Европу и позволившая выиграть войну — да не одну! Был и взлет к вершинам мирового могущества, и застой, свой кульп личности, свои колхозы, реформы, контрреформы. Порой при чтении «Истории СССР» возникает стойкое ощущение дежавю: этот сериал мы уже смотрели, только он снимался в других декорациях и был длиннее. Ну да, поскольку в XX веке и прогресс, и регресс шли быстрее, Советскому Союзу пришлось жить в темпе «год за четыре», уложившись в 70 годовых «серий» вместо 300.

Так что вопрос, почему романовская Россия рухнула, а советская нет, несмотря на то что в феврале 1942-го фронт был на сотни километров дальше к востоку, чем в феврале 1917-го, бессмыслен, как любое ложное сравнение. Ведь и советская империя развалилась подобно романовской. Просто у романовской России 1942 год случился в 1812-м, и тогда она в итоге победила.

Аналогом же 1917 года является 1991-й. В обоих случаях крах произошел по внутренним причинам, катализированным неудачно ведущимися войнами — Первой мировой и холодной («горячим» воплощением последней была афганская). Оба раза власть тщетно пыталась придать борьбе с «германским/американским империализмом» общенациональный характер. Начатую в 1914 году войну официально так и называли: Вторая отечественная. Но как-то не прижилось...

«Главным препятствием на пути к победе было полное нежелание большей части населения — от крестьян и казаков до духовенства и буржуазии — осознать, что Россия ведет не просто крупную, а решающую судьбы не только ее, но и всего мира на столетие вперед войну»*, — пишет историк

---

* Ланник Л. В. Русский фронт. 1914–1917 годы — М.: Наука, 2018.

Леонтий Ланник. На первый взгляд, объяснение этого «нечелания осознать» и, соответственно, нести жертвы на алтарь победы, лежит на поверхности: не было того мобилизующего ощущения национальной катастрофы, которое в 1812 году вызвал пожар Москвы, а в 1942-м — враг, стоящий на Волге. В этом смысле на вопрос, почему романовская Россия рухнула, имея фронт на сотни километров западнее, можно ответить — именно поэтому! Стояли бы немцы под Киевом и Петроградом, еще неизвестно, как бы все повернулось.

Но это будет лишь частью правды, и не самой важной. Важнее, на мой взгляд, нараставшее ощущение того, что главный враг на этот раз находится не за линией фронта, а внутри страны. И этот враг — сама власть.

ВРАГ ВНУТРИ

Мне могут возразить: а почему мы говорим только о 1917-м и 1991-м? Разве при Сталине власть, пачками отправлявшая в расход «врагов народа», сама таким врагом не была? Тут уж пусть ответят те, кто ее застал. «Для нас для всех Сталин был буквально богом. Конечно, репрессии — это ужасно, счастье, что мой отец остался жив. Но было и много хорошего: выиграли войну, дисциплина была», — говорит в фильме Юрия Дудя «Колымы» Наталья Королева, дочь едва не стинувшего в лагерях корифея советской космонавтики. Нужно видеть в этот момент глаза Дудя...

Советский режим сгубил миллионы людей, но все же соответствовал субъективным стремлениям десятков миллионов. Дело даже не в умело насижданной психологией осажденной крепости, которая позволяла контролировать общество куда эффективнее, чем репрессивный аппарат НКВД. Дело в надеждах на перемены, на улучшение жизни, на то, что жертвы не напрасны, что они оправданы счастьем и изобилием, которое наступит для детей тех, кто жертвует собой

и окружающими. Это сродни чаяниям эмигрантов из третьего мира, готовых на любую работу, лишь бы дети выучились и «вышли в люди». А тут картина будущего счастья была нарисована для целой страны.

И в царской России, пока правительство было «единственным европейцем» и успешным модернизатором, за прогрессивные перемены ему прощали многое. И Петра I в народе называли антихристом, но прозвище забылось, а Петербург — вот он, стоит с Медным всадником в центре. Но к хорошему быстро привыкаешь, именно оно создает в стране ту сформулированную философом Константином Леонтьевым «цветущую сложность», которой власть в ее закосневшем состоянии перестает соответствовать. Брежnev — сущий вегетарианец по сравнению со Сталиным, и жили при нем не в пример сытнее, но Наталья Королева вряд ли удостоит его сравнения с богом.

В начале и в конце XX века российское общество приходило к пониманию, что не боги горшки обжигают, и требовало долевого участия в управлении страной. Правительство в те периоды уже не выглядело «единственным европейцем», да и с картиной будущего возникли проблемы. Какое-то время ее можно было подменять идеей расширения империи (или социалистического лагеря); споры о внешней политике способны длительное время заменять запретные дискуссии о политике внутренней. Но со временем этот суррогат политической жизни перестает работать из-за бездарных провалов на международной арене. Если огромная страна не может выиграть «маленькую победоносную войну» на полях Маньчжурии или в горах Афганистана, что-то не так в самой стране, не правда ли?

СЛАВНОЕ ПРОШЛОЕ НЕ ПОМОГАЕТ

Помимо войны какую-либо альтернативу картине светлого будущего власть предложить не может. Остается вдохновляться

воспоминаниями о былых успехах. В 1909–1913 годах чередой пошли юбилеи: 200-летие Полтавской битвы, 100-летие Отечественной войны, 50-летие начала «великих реформ», 300-летие дома Романовых. Никогда еще Россия не праздновала так широко и помпезно. «Обрадовались законному случаю пославословить и поликоватъ и предались сему занятию с излишеством, как воробушки перед темной тучей», — вспоминал Владимир Короленко. Даже парадную форму армии стилизовали под мундиры и кивера 1812 года.

Однако «духи предков» не могли помочь в противостоянии с технологически более развитым противником. Особенно в ситуации, когда надежды на счастье и изобилие тают, а очреди в магазинах растут (так было и в 1916–1917 гг., и в 1989–1991 гг.). Вторая отечественная проходила в совершенно иной психологической атмосфере, нежели первая, — сам смысл противостояния ускользал от народа. От первоначальной эйфории — заступились за Сербию в 1914-м или спасли Кубу в 1961-м — не осталось и следа. На фоне реальных проблем обывателя, стоящего в очередях, или рабочего у станка и Сербия, и Куба казались отвлеченной абстракцией. А самое главное, нарастало ощущение, что с такой властью эти проблемы в любом случае не преодолеть.

И власть, надо отдать ей должное, делала все, чтобы подтвердить мнение о своей недееспособности. Просто в одном случае это проявлялось как министерская чехарда, в другом — как «гонки на лафетах». Парламентские эксперименты в царской России и СССР на излете их существования оказались очень похожими: народным избранникам предоставили трибуны для обличений, «забыв» поделиться с ними реальной властью (а заодно и ответственностью за положение в стране). Были и точные совпадения: жену Горбачева в конце его правления ненавидели в той же степени, что жену Николая II в 1916-м, и даже формулировка была одинаковой: «вертит мужем», не давая прислушаться к разумным советникам. Все

это в итоге сливалось в один всеобщий призыв к власти — «Уйдите!», который наверху воспринимали как блажь кучки интеллектуалов, не разделяемую «глубинным народом».

Можно рассмотреть интересную альтернативу: что было бы, отрекись Николай II двумя годами раньше? Глядишь, и не пронесло бы Россию мимо победы в Первой мировой, и Вторая не состоялась бы. Передай Горбачев трон генсека Ельцину в 1989-м, не могла ли стать явью мечта Солженицына о новом союзе трех славянских республик — России, Украины и Белоруссии?

Но в итоге Солженицын увидел воочию то, что ранее описал в «Красном колесе»: отчаянные попытки не поступиться ни граммом власти, тотальное разочарование народа в правительстве, несущем ответственность за все, а как итог — горькое признание, что «кругом измена, трусость и обман», отречение и крах империи. Ибо никакой другой скрепы кроме трона у страны уже нет — старые исчезли, новых не создали. (Напрасно Солженицын отчаянно пытается возложить вину за катастрофу на либерально-космополитических «бесов»: исторический материал сопротивляется и в итоге оказывается сильнее замысла художника.)

В нынешней российской армии в форму 1812 года переодели только кремлевский полк. Зато государственные масштабы празднования победы в Отечественной войне уже превзошли и позднеромановскую, и позднесоветскую традиции. Не хотелось бы думать, что и у нынешней России все ее главные достижения остались в прошлом.

Опубликовано: Republic, 19 мая 2019 г.

ГЛАВА 2

Выборы короля. Как Англия XVII века отвергла своего Петра I

23 февраля 1689 года Вильгельм III Оранский был провозглашен королем Англии. Так завершилась активная фаза низложившей его предшественника Якова II Славной революции — одного из самых загадочных для россиян событий британской истории.

Две блестящие российские монографии на эту тему (Владимира Томсина, «“Славная революция” 1688–1689 гг. в Англии и Биль о правах», и Кирилла Станкова, «Король Яков II Стюарт и становление движения якобитов. 1685–1701»), отвечая на вопрос, почему англичане свергли короля, только добавляют интригу, но не вносят ясность. Ибо написаны они с проякобитских позиций, и Яков II в них предстает монархом, состоящим, кажется, из одних достоинств.

В самом деле: король Яков создал английскую регулярную армию, поднял на недосягаемую высоту флот, который, будучи еще наследником престола, лично водил в бой — и с успехом! Он упорядочил финансы, резко сократил расходы королевского двора. Наконец, он отменил гонения на иноверцев и протестантских диссидентов-раскольников. Да, при этом пришлось нарушить конституционные процедуры из-за нежелания парламента провозглашать свободу совести. Но все это — ради блага неразумных подданных

и процветания страны! В конце концов стремление Якова сделать Британию по-настоящему великой (Трамп на его месте непременно придумал бы слоган «Make Britain Great!») требовало дружной работы всех подданных независимо от их вероисповедания.

И все это он успел за три года правления, а сколько еще мог сделать! По широте замыслов это поистине британский Петр I. У него только один явный недостаток: Яков II — католик, правящий в протестантской стране. Но для его подданных, этих узкобюджетных протестантских фанатиков, вопросы веры оказываются превыше и государственных, и их собственных интересов (так здраво разъясненных в XXI веке российскими историками). И вот англичане подговаривают принца Вильгельма Оранского высадиться в Англии во главе голландской армии и предают своего короля в руки интервентов. Единственный раз в своей истории остров захвачен без боя.

И все из-за неправильной религии Якова?! Чего-то в этой схеме не хватает, не правда ли? А не хватает ответа на вопрос, с чего вдруг англичане, это воплощение рационального мышления и практичности, вдруг повели себя как турки эпохи упадка Османской империи, когда клинки религиозных фундаменталистов моментально сметали с трона любого реформатора. Уж сколь многочисленны были приверженцы «старины» в России, но и у них не получилось свергнуть Петра I. Так что же, Англия XVII века оказалась консервативнее России? Конечно нет, иначе не ездил бы Петр Алексеевич в Лондон изучать европейские технологии и перенимать британский опыт.

Чтобы разрешить эту загадку, нам придется отбросить религиозную риторику, традиционно прикрывавшую в те времена вполне прагматические интересы, и рассмотреть реальные коллизии, которые привели к свержению английского короля-реформатора.

РЕФОРМАТОР НА ТРОНЕ

Яков II действительно напоминает Петра I своим реформаторским пылом. Он тоже считал, что лишь создание мощного государства позволит Англии завоевать место под солнцем в борьбе с централизованными монархиями континента. Яков тоже хотел учиться у Европы, благо образец был прямо под боком — Франция Людовика XIV, автора изречения «Государство — это я». Это для нас английский парламент — прообраз современной политической системы. Для Якова он наряду с местным самоуправлением был таким же пережитком Средневековья, как бородатая боярская дума для Петра.

Яков решил построить идеальную абсолютную монархию, отстранив подданных не то что от участия, даже от обсуждения государственных дел. И провозглашенная им свобода совести была шагом на этом пути. Для начала объявлялось, что людей больше не будут наказывать за отказ посещать английскую церковь. Но за пряником следовал кнут: отныне за прещалось «проповедовать и учить тому, что могло бы любым образом вести к отвращению сердец наших людей от нас или от нашего правительства». То есть богу молитесь как хотите, но не суйтесь в дела кесаревы.

«Разглагольствуя с людьми на тему плохого управления, знайте: это будет бунтарская позиция и практика, — наставлял католический епископ Филипп Эллис. — Дискредитировать образ ваших светских или духовных начальников гораздо хуже, чем хулить церковь или грабить алтарь». Католические идеологи Якова разработали и доктрину «активного послушания». Теперь мало было пассивного непротивления политике короля, ибо «грехи недеяния являются грехами действия», следовало активно и непреклонно содействовать ей.

В стране, где привыкли свободно обсуждать политические проблемы, в том числе в форме религиозных диспутов, это

было ошеломляющей идеологической новацией. Начались протесты. Для «предотвращения неразумного проповедования» Яков создал комиссию духовных дел. «Намерением комиссии было очень жестко преследовать некоторых, чтобы это могло устрашить остальных», — писал богослов, историк и современник событий Гилберт Бёрнет.

Санкции применили к кофейням, которые служили англичанам тогдашним аналогом соцсетей: в них широко обсуждались любые темы. Этим заведениям запретили выпускать газеты, взамен заполнив их, как писал современник, «сходящими с ума от лояльности» доносчиками, отслеживающими разговоры о политике. Система перлюстрации удушила возможность обмена политическими новостями через почту. Не прошло и двух лет, как англичане, по воспоминаниям одного из них, «почти потеряли право думать свободно».

Отказ парламента поддержать декларацию о свободе совести (в итоге она была введена королевским декретом) привел к его роспуску. Следующий созыв Яков решил сформировать по своему вкусу. В графства были спущены анкеты, которые в обязательном порядке заполнялись губернаторами, судьями, муниципальными и государственными чиновниками, офицерами. Вопросов было немного: будет ли подпишавшийся поддерживать королевские законопроекты в случае избрания в парламент? Будет ли он содействовать избранию таких же лояльных королю депутатов? Ответ «нет» означал увольнение, и три четверти опрошенных потеряли свои места.

Таково было реальное содержание «католицизма от Якова». Американский историк Стивен Пинкус использовал для его описания современный политологический термин «электоральный авторитаризм». В XVII веке таких слов еще не знали, поэтому Бёрнет просто писал: «Происходило тотальное свержение нашей конституции».

Король на пороге успеха

Ошеломительный эффект перемен усиливался тем, что они произошли в течение одного «президентского срока» — Яков правил в 1685—1688 гг. Взойдя на трон в 52 года, в более чем солидном для того времени возрасте, он спешил не только перестроить страну, но и успеть насладиться плодами перестройки, сыграв свою партию в европейской политике.

Нашлось немало представителей английского политического класса, поддержавших короля. «Церковь — это место для службы, а не для дискуссий», — вторил ему англиканский епископ Честера Томас Картрайт. А когда совет коллежажа Магдалины в Оксфорде отказался назначить католика на освободившееся место президента, Картрайт выговаривал его членам: «Принципы — всегда предлог к мятежу, ими следует пожертвовать».

Еще более рьяными реформаторами были новообращенцы в католическую веру. Так, Эдвард Хейлз, ставший комендантом Тауэра, предвосхитил идею полицейского государства, советуя королю вообще «отменить парламент» и составить досье «на каждого человека любого положения в каждом графстве».

Но «глубинный» английский народ к 1688 году был настроен явно антиякобитски. Французский посланник не без удивления писал, что даже английские католики возражают против передачи королю «слишком большой власти за счет свобод нации». Введение «французского» варианта управления государством в обмен на право молиться по своему вкусу их не устраивало. «Удовольствие [французского] короля заключается в насилии над законом — по этой причине короли по своему усмотрению меняют законы, создают новые законы, обременяют своих подданных расходами», — писал один из английских тори. Для англичан право контролировать законы и налоги через парламент было важнее религиозных догм.

Яков II учел это недовольство заранее. Как и Петр I, реформы он начал с создания армии, за три года увеличив ее

численность с 9000 до 40 000 и разместив в 27 гарнизонах по всей стране. Предполагалось, что они легко справятся с локальными мятежами, а попытка организовать восстание в масштабах страны будет вскрыта системой внутреннего шпионажа на стадии подготовки.

НАКАЗАНИЕ ИЗ ГААГИ

Удивительно, насколько близко Яков подошел к своей цели — созданию абсолютистской Англии. В «дореволюционной» конституции (документа с таким названием там не было, но слово существовало, англичане говорят «our constitution» в значении «наши порядки») не оказалось механизма, способного блокировать экспансию королевской прерогативы. И если бы не удачное стечние обстоятельств, история Британии пошла бы по сценарию этого незаурядного монарха.

Удачу звали Вильгельм Оранский. В его лице воплотилось счастливое сочетание права и возможности. Права на английский престол, поскольку он был женат на дочери Якова, и возможности за этот престол побороться, будучи правителем Голландии и контролируя ее армию и флот.

К 1688 году Гаага стала Меккой английских политэмигрантов. Отсюда нити заговора потянулись на остров. «19 человек из каждого 20 по всему королевству ждут перемен и охотно будут содействовать вам, если получат такую защиту и моральную поддержку при мятеже, которые обезопасят их от поражения, прежде чем они станут в состоянии защитить себя сами», — заверяли Вильгельма его сторонники из Лондона.

Наконец он решился. 5 ноября войска Оранского при полном непротивлении английского флота высадились на юге Англии. Яков сетовал, что ему пришлось бороться одновременно с «иностранный армией и отправленной нацией». Но англичане не воспринимали эту армию как иностранную (даром что в ее рядах были такие экзотические подразделения, как

финны в медвежьих шкурах и мамлюки в тюрбанах). Для Англии полки Вильгельма были, если хотите, аналогом союзной белорусской армии для россиян. Да и из коренных британцев она состояла чуть ли не на четверть.

Оранский шествовал по стране под праздничный перезвон колоколов. Из собранных на Солсбериjsкой равнине войск Якова началось массовое дезертирство комсостава. После того как к Вильгельму перешел любимец короля Джон Черчилль, будущий герцог Мальборо, Яков понял, что игра проиграна. 22 декабря после череды мятарств он бежал во Францию.

Отвергнутый «завет Иуды»

Очевидно, что петровская модернизация в России пошла совершенно иным, «континентальным» путем. Российская империя стала, условно говоря, страной «победившего Якова». Можно спорить, имелись ли в распоряжении Петра I институты, на которые он мог бы опереться при проведении «модернизации по-английски». Но бесспорно другое: как справедливо заметил Дмитрий Травин, Петр, даже побывав в Англии и посетив заседание английской палаты общин, едва ли мог при своем уровне политического сознания уразуметь, для чего нужны все эти вольности, сословное представительство и парламенты. Для сопротивления тиранической власти? Но если монарх мудр, благонамерен и желает стране только добра, как Петр, то ясно, что такие свободы совершенно излишни, баловство одно. Вот техника, корабли, торговля — это да.

Но ведь и Яков II желал своей стране исключительно добра, только вот Англия не захотела модернизации такой ценой — ни тогда, ни после. Славная революция (под таким названием она вошла в историю) произвела ментальный переворот в английском политическом сознании. «Пассивное послушание воле короля — это завет Иуды, предательская доктрина... которую переменчивая мысль некоторых казуистов предлагает

нам под видом истины, — провозглашал англиканский теолог Уильям Стивенс идеи, за которые еще недавно был бы обвинен в измене. — Когда правитель решает разрушить религию, законы и свободы своей страны, людям не только позволено, но обязательно по долгу перед своей страной... силой оружия убрать причину такого невыносимого бедствия».

Славная революция не изменила страну в одночасье, не наполнила ее «молочными реками» назавтра после бегства Якова. Впереди была кровавая борьба с якобитами в Ирландии, череда заговоров и попыток реставрации. Но революция создала условия для построения в Англии «образцового капитализма», который позволит ей победить в борьбе за первенство с абсолютистской Францией.

Революция окончательно разрешила давний спор между короной и парламентом о приоритете власти. «В XVII веке законодательную власть еще можно было рассматривать как несколько абсурдный и, несомненно, раздражающий пережиток средневекового прошлого Англии, иррациональную помеху для эффективной монархической власти, без которой в общем-то вполне можно было обойтись», — пишет английский историк Кеннет Морган. После революции приоритет парламента над короной был закреплен навсегда.

Парламент становится «местом для дискуссий», в котором бескровно улаживаются внутренние конфликты элит, источником экономических реформ и, наконец, превосходным инструментом мобилизации страны для внешней экспансии. В реалиях того времени экспансия подразумевала войну. Для войны, как говаривал Наполеон, нужны три вещи: деньги, деньги и деньги. И в 1776 году французский министр иностранных дел граф де Верженн завистливо напишет: «Вызывает восхищение и кажется чудесной та легкость, с которой английская нация или, точнее, ее представители идут на столь чудовищные расходы. Мы, несомненно, располагаем более реальными ресурсами, чем Англия, но распоряжаться ими нам

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
[\(e-Univers.ru\)](http://e-Univers.ru)